

12

«БЕДНОСТЬ ПО-РОССИЙСКИ» НА ФОНЕ ДРУГИХ СТРАН

В.А. Аникин, Н.Е. Тихонова

Как было показано выше, бедность в России имеет свой четко выраженный портрет. Однако для того, чтобы ответить на вопрос о том, насколько специфичен этот портрет, необходимо оценить его на фоне портрета бедности в других странах. Лишь такое сопоставление позволит понять, в каких точках система неравенств, лежащих в основе «бедности по-росийски», является уникальной, чего России по сравнению с другими странами уже удалось добиться в этой области, а что все еще остается ее национальной бедой.

Выберем для сравнения разные страны, включив в наш список те из них, которые либо находятся на схожем или близком этапе экономического развития, либо, по крайней мере на первый взгляд, так далеко оторвались от России в плане экономического развития, что могут рассматриваться как своего рода «проекция в будущее» и при этом представляют разные экономические модели. Заданным критериям удовлетворяют, с одной стороны, страны, входящие в состав БРИК, а с другой — Великобритания (англо-саксонская экономическая традиция) и Германия («рейнский» капитализм).

Сложность сопоставления бедности в России одновременно с развитыми и развивающимися странами в немалой степени обусловлена тем, что лежащие в основе бедности неравенства складываются в них в рамках быстро эволюционирующей экономики и общественных отношений. Поэтому для обеспечения общего основания для сравнений необходимо учитывать изменяющийся институциональный контекст этих стран: ведь характер бедности может претерпевать в них существенные изменения за относительно короткий промежуток времени, исчисляемый несколькими десятилетиями. Вот почему необходимо начинать сравнительный анализ бедности в разных странах с изучения тех институциональных рамок, в которых она существует.

Рассмотрим хотя бы вкратце эти институциональные рамки. Сравнительная статистика по странам, представленная в табл. 12.1, позволяет увидеть, что ключевые показатели, используемые в статистике для оценки ситуации с уровнем жизни населения вообще и бедностью в частности, малоинформативны для отображения *качественных различий*. Например, показатель национального дохода, приходящегося на два нижних дециля в Индии и Германии, практически совпадает, хотя для всякого знакомого с ситуацией с бедностью в этих странах ясно, что ни о какой схожести их в данном вопросе говорить не приходится. Аналогичная картина наблюдается по России и Великобритании и т.д. При этом *Россия практически по всем ключевым показателям социально-экономического развития, формирующим рамочные условия существования бедности как особого феномена общественной жизни, занимает промежуточное положение между Великобританией и Германией, с одной стороны, и остальными странами БРИК — с другой, при несколько большей близости ее к развитым, нежели к развивающимся, странам.*

Близость России при всех ее отличиях, скорее, к странам Запада, чем к странам БРИК, становится особенно наглядной при анализе соотношения городского и сельского населения вообще и доле городской занятости в общей структуре занятости в особенности, поскольку уровень занятости в аграрном секторе экономики по рассматриваемым странам различается в десятки раз — от 1,2% в Великобритании до 51,1% в Индии (при 9,7% по России).

Эти данные говорят о том, что *если в Великобритании, Германии и России процесс урбанизации уже завершился, то в Бразилии, Индии и Китае он до сих пор не завершен и находится на разных фазах своей эволюции*. Так, Китай сейчас переживает этап урбанизации, в рамках которого происходит бурное развитие малых городов, аккумулирующих потоки мигрантов из деревень в условиях ограниченных возможностей миграции в крупные города, где жестко действует институт ограничения прописки¹. В отличие от Китая, в Бразилии практически неконтролировавшийся процесс урбанизации уже подходит к точке своего насыщения (темпы прироста городского населения за последние 30 лет снизились почти в 3 раза), но за минувшие десятилетия он буквально «обрушил» на пригороды крупных

¹ Bai X. Urban Transition in China: Trends, Consequences and Policy Implications // The New Global Frontier: Urbanization, Poverty and Environment in the 21st Century, G. Martin, G. McGranahan, M. Montgomery and R. Fernandez-Castilla (eds). London: EarthScan, 2008.

Таблица 12.1

**Основные статистические показатели, связанные с бедностью,
для стран БРИК, Великобритании и Германии²**

	Доля населения, находящегося ниже национальной линии бедности, % от всего населения						Коэффициент Джини					
	1981	1990	2001	2005	2009	2011	1980	1990	2001	2005	2011	
Великобритания	-	-	-	-	-	-	25,2	33,5	35	34,6	33	
Германия	-	-	-	-	-	-	-	30,8	30,1	26,1	29,0	
Бразилия	-	-	-	30,8	21,4	-	56	60,5	61,2	57,4	51,2	
Россия	-	-	27,5	17,7	13,0	-	26,4*	25,9	42,2	37,5	41,7	
Индия	-	-	-	37,2	29,8	-	31,4	29,6	-	36,8	-	
Китай	-	-	4,6*	2,8	-	-	29,5	34,0	44,8	42,3	47,4	
Доля национального дохода, принадлежащая нижним 10% населения (ниже нему децилу), %												
	1980	1990	2001	2005	2009	2011	1980	1990	2000	2005	2009	
Великобритания	-	-	2,1*	-	-	-	-	-	-	6,1*	-	
Германия	-	-	4,0	-	-	-	-	-	-	8,5*	-	
Бразилия	0,9	0,7	0,5	0,7	0,8	-	2,7	2,2	2,1	2,8	2,9	
Россия	-	4,2*	2,5	2,7	2,8	-	-	10*	6,1	6,5	6,5	
Индия	-	3,9*	-	3,8	-	-	-	8,8*	-	8,6	-	
Китай	3,7	3,5	2,3*	1,8	-	-	8,7	8,0	5,5*	5,0	-	
ВВП на душу населения по ППС, долл. ³												
	1980	1990	2000	2005	2011	2010	1980	1990	2000	2005	2010	
Великобритания	8267	16289	26039	32958	35598	35598	2,6	2,1	1,4	1,3	1,2	
Германия	9853	18504	25757	31115	39456	39456	-	4,2*	2,6	2,4	1,6	
Бразилия	3613	5183	7017	8509	11640	11640	29,3*	22,8	20,6*	20,5	17,0*	
Россия	-	8014	6833	11853	21921	21921	-	13,9	14,5	10,2	9,7	
Индия	419,9	873,8	1528	2209	3650	3650	-	60,5	59,9	55,8	51,1	
Китай	250,2	794,9	2366	4115	8400	8400	68,7	60,1	50,0	44,8	36,7	

Примечания. Для Великобритании доля национального дохода, принадлежащая нижним 10% населения, а также доля национального дохода, принадлежащая нижним 20% населения, указана за 1999 г. Для Германии доля национального дохода, принадлежащая нижним 10% населения, указана за 2000 г.; уровень занятости в аграрном секторе указан за 1991 г.; коэффициент Джини – за 1992 г. Для Бразилии уровень занятости в аграрном секторе указан за 1981, 2001 и 2009 гг. Для России коэффициент Джини, доля национального дохода, принадлежащая нижним 10 и 20% населения, указаны за 1988 г.; уровень занятости в аграрном секторе – за 2009 г. Для Индии уровень занятости в аграрном секторе указан за 1994 г., коэффициент Джини – за 1983 и 2004 гг. Для Китая доля населения, находящегося ниже национальной линии бедности, указана за 1998 г.; доля национального дохода, принадлежащая нижним 10 и 20% населения, указана за 2002 г.

² Источник: Статистика Всемирного банка. Доступно: [http://www.wider.unu.edu/research/Database/en_GB/wid/](http://data.worldbank.org/indicator/en_GB/wid/Дата последнего обновления: 10.04.2013. Database. Доступно: http://www.wider.unu.edu/research/Database/en_GB/wid/) Дата последнего обновления: 10.04.2013.

³ ВВП на душу населения, рассчитанный Всемирным банком по паритету покупательной способности, представлен в «международных долларах» за соответствующий период: World Development Indicators, The World Bank, 2013. GDP per capita, PPP (current international \$). <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD>. Дата обновления: 27.11.2013.

⁴ Данные Всемирного банка: World Development Indicators, The World Bank. Population growth, 2013. <http://data.worldbank.org/ddp/home.do>. Дата обновления: 27.11.2013; для Китая данные указаны на основе переписи населения 1982 г.

⁵ BRICS Joint Statistical Publications 2012. Статистические данные по Великобритании, Германии и России взяты из источника: Eurostat, European Commission, Statistical Office of the European Communities. The European Union and the BRIC countries. Luxembourg: Statistical Office of the European Communities, 2012; Бразилия, Индия и Китай – United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division. World Population Prospects: The 2012 Revision, Highlights and Advance Tables. ESA/P/WP/228. N.Y.: Department of Economic and Social Affairs, Population Division, 2013.

городов лавины сельского населения. Эта масса переселившихся в города людей плохо адаптируется в новой для себя среде и либо массово уходит во вторичный сектор городской занятости, либо пополняет ряды безработных. Индия вообще в основном еще сельская страна.

Картина особенностей тех демографических процессов, которые, как и уровень социально-экономического развития, прямо влияют на бедность, также различается по анализируемым странам достаточно сильно, причем Россия и в этом отношении гораздо ближе к странам Запада, чем к странам БРИК. Так, Россия, Германия и Великобритания – страны с отрицательным естественным приростом населения, который компенсируется потоком низкоквалифицированных мигрантов из-за рубежа. В то же время в Китае, даже несмотря на жесткую демографическую политику, численность населения продолжала расти все последние десятилетия, а в Индии и Бразилии рождаемость в значительной степени и сейчас еще носит неконтролируемый характер.

Таков тот экономический и социально-демографический фон, на котором должна рассматриваться ситуация с бедностью в названных странах. И уже один только этот фон заставляет усомниться, может ли в них одинаково пониматься сам феномен бедности и можно ли для понимания сути происходящих в них процессов в данной области пользоваться одними и теми же измерительными инструментами. Не случайно международные организации обычно используют, говоря о развитых и развивающихся странах, разные показатели бедности: в первом случае относительные, а во втором – абсолютные.

Попыткой отчасти обойти проблему сопоставимости данных зачастую выступает использование в сравнительных международных исследованиях такого показателя, как «национальная линия бедности». В рамках этого подхода в качестве критерия бедности задается определенный стандарт потребления в денежном эквиваленте. Все, чей уровень потребления ниже этой границы, относятся к числу бедных. Однако такой подход, скорее, затушевывает, чем проясняет, картину, поскольку для определения национальной черты бедности в разных странах используются абсолютно разные методики. В итоге, например, уровень бедности в Китае оказывается в 3 раза ниже, чем в России, и почти на порядок ниже, чем в Бразилии и Индии, и это при том, что ВВП на душу населения в Китае в 2,5 раза ниже, чем в России, а доля национального дохода, приходящегося там на два нижних дециля (табл. 12.1), еще меньше, чем в России. Да и мно-

гочисленные публикации китайских коллег по проблеме бедности позволяют предполагать, что за этими оптимистическими цифрами стоит очень непростая реальность⁶.

Вот почему для более глубокого понимания феномена бедности в разных странах необходима классификация типов бедности, учитывающая как ее структурные, связанные с развитием общества в целом и его экономики в частности, так и индивидуальные причины, приводящие конкретных людей к «скатыванию» в бедность на определенном этапе их жизненных траекторий. Богатая традиция изучения бедности, накопленная мировой и отечественной наукой, позволяет предложить классификацию, включающую, как минимум, три разных типа «структурной бедности», а также «индивидуальную бедность», вызванную семейной или личной ситуацией человека. Все многообразие форм бедности, которое можно встретить в мире, является лишь вариацией этих типов. В числе упомянутых трех основных структурных типов бедности – прединдустриальная, индустриальная и постиндустриальная бедность.

Ключевой вопрос состоит в том, является ли бедность в России специфической вариацией одного из этих «идеальных типов» бедности, или же бедность «по-росийски» характеризуется уникальным сочетанием в ней различных типов бедности? Только после получения ответа на этот вопрос можно выбрать и наиболее адекватную для России методологию измерения бедности, и методы минимизации численности бедных: ведь разные типы бедности предполагают не только разную концептуализацию самого феномена бедности, но и разные формы и приоритеты помощи им.

Прединдустриальная бедность в современных обществах

Тип бедности, с которым человечество столкнулось раньше всего, – это доиндустриальная (или, что применительно к современной ситуации точнее, прединдустриальная) бедность, спутник докапиталистического этапа развития. Она существует в двух основных формах – массовой сельской бедности и бедности люмпенизированных городских низов в период «взрывной урбанизации».

⁶ Zhu C., Wan G. Rising Inequality in China and the Move to a Balanced Economy // China & World Economy. Special Issue: Rebalancing of China's Growth. Vol. 20. Issue 1. P. 83–104, January–February 2012; Zhang J. (Ed.) Unfinished reforms in the Chinese economy. London: World Scientific Publishing, 2013. Zhang C., Xu Q., Zhou X., Zhang X., Xie Y. An Evaluation of Poverty Prevalence in China – New Evidence from Four Recent Surveys // IFPRI Discussion Paper 01293, September 2013.

1) *Предындустриальная (доиндустриальная) сельская бедность* концентрируется в селах и связана с наличием избыточного сельского населения и низкой эффективностью сельскохозяйственного производства. Для этой разновидности предындустриальной бедности характерны широкое распространение натурального хозяйства, сильная зависимость от геоклиматических условий, перенаселенность сельской местности и очень низкий уровень доходов сельских жителей.

Если говорить о роли государства в борьбе с бедностью этого типа, то она обычно ограничивается минимальной помощью беднейшим с учетом необходимости их простого физического выживания. Более того, иной уровень поддержки при ней нецелесообразен не только из-за массовости этого типа бедности, но и потому, главное, что в бедных аграрных или полуграрных обществах такой уровень жизни характеризует повседневную реальность большинства его членов, являясь своего рода стандартом жизни населения. Так, например, в Индии, где этот тип бедности представлен из рассматриваемых стран наиболее широко, национальная «черта бедности» соответствует денежному эквиваленту 650 г зерна в сутки⁷ – именно такое количество пищи не позволяет человеку умереть от истощения. При такой трактовке «черты бедности» доля бедных составляла в Индии в 2005 г. 37,2%⁸, а к марту 2012 г. число выделенных в соответствии с ней бедных сократилось до 29,8%⁹.

Естественно, что с точки зрения стандартов жизни в более развитых странах эта цифра выглядит весьма дискуссионной. Сильно заниженной она кажется даже при применении Оксфордской методики измерения бедности (индекса MPI)¹⁰, специально ориентированной

⁷ Planning Commission. Draft Five Year Plan 1978–83. New Delhi: Government of India, 1978.

⁸ Статистика Комиссии по планированию [<http://www.pbplanning.gov.in>]. Последнее обновление 9.04.2013.

⁹ Tendulkar S. et. al. Planning Commission. Report of the Expert Group to Review the Methodology for Estimation of Poverty. New Delhi: Government of India, 2009; Planning Commission. Press Note on Poverty Estimates, 2011–12. New Delhi: Government of India, 2013. Стоит отметить, что сейчас Комиссия по планированию назначила новую экспертную группу для пересмотра прежней методологии оценки бедности. Есть высокая вероятность того, что к середине 2014 г. подход к бедности в Индии изменится.

¹⁰ Инициативная группа ученых по исследованию бедности и человеческого развития из Университета Оксфорда разработала основанный на депривационном подходе к бедности Многомерный индекс бедности (Multidimensional poverty index – MPI), широко используемый в настоящее время международными организациями в своих статистических

на анализ бедности в развивающихся странах и обеспечивающей возможность более корректных международных сопоставлений для предындустриальной бедности, чем данные национальной статистики. Так, из данных табл. 12.2 видно, что показатель бедности, основанный на индексе MPI, составлял для Индии в 2005 г. 53,7%, что почти в полтора раза выше официального значения уровня бедности в Индии на тот момент.

Если говорить о путях ликвидации бедности этого типа, то стратегически избавление от нее предполагает ускорение процессов урбанизации и утверждение высокоэффективного современного сельскохозяйственного производства. Тактически эффективным способом борьбы с предындустриальной бедностью выступает распространение в сельской местности системы производственного обучения молодежи по требующимся не только в селах, но и в городах специальностям с последующей организованной миграцией части сельской молодежи в города.

Борьба с массовой сельской бедностью предындустриального типа достаточно сложна и требует ряда десятилетий. В отличие от других стран БРИК, в России бедность такого типа не доминирует в бедности в целом, и массовое распространение этого типа бедности было ликвидировано еще в 30–50-е годы прошлого века в ходе индустриализации. Однако локализация этой разновидности бедности в определенных регионах с весьма отличающимися от основной их массы моделями экономики и национальной культуры сильно затрудняет возможности кардинального решения проблемы с ней. Более того, проблема сельской бедности предындустриального типа может актуализироваться в будущем в ряде регионов, характеризую-

обзорах. Первоначально он разрабатывался для Индии, однако достаточно быстро был рассчитан для всех развивающихся стран, в том числе и для России. В расчет индекса MPI входят 10 индикаторов, объединенных в три большие группы: образование, здоровье, стандарты жизни. Наиболее крупная группа индикаторов – «стандарты жизни» – включает в себя такие виды депривации, как отсутствие электричества, отсутствие доступа к чистой питьевой воде, земляной пол в жилище, использование навоза, дерева или угля для приготовления пищи, наличие в собственности не более одного предмета из следующего их набора: радио, телевизор, телефон, велосипед, мотоцикл, холодильник. Согласно Оксфордской методике люди, которые находятся «на грани бедности», испытывают депривацию по 20–33% из 10 индикаторов, в то время как испытывающие «тяжелую бедность» депривированы по 50% индикаторам и более (См.: Alkire S., Conconi A., Roche J.M. Multidimensional Poverty Index 2012: Brief Methodological Note and Results. Oxford Poverty and Human Development Initiative, Department of International Development, University of Oxford, 2012.).

Таблица 12.2

Многомерный индекс бедности (MPI) и официальный уровень бедности в странах БРИК¹¹

Страна	Опрос, на данных которого производились расчеты	Год	MPI	Доля бедных, в том числе:			
				по национальной линии бедности	находящихся «на грани бедности» по MPI	бедных по MPI	находящихся в «тяжелой бедности» по MPI
Индия	DHS ¹²	2005	0,283	37,2	16,4	53,7	28,6
Китай	WHS ¹³	2003	0,056	2,4	6,3	12,5	4,5
Бразилия	PNDS ¹⁴	2006	0,011	26,8	7,0	2,7	0,2
Россия	WHS	2003	0,005	20,3	0,8	1,3	0,2

щихся расширенным демографическим воспроизводством сельского населения, прежде всего, в регионах Северного Кавказа и ряде других национальных республик, особенно тех, где сельское население уже сейчас составляет большинство. Так, в Северо-Кавказском федеральном округе доля сельского населения на 1 января 2010 г. достигала 51,1%, при том, что например, в Северо-Западном федеральном округе она составляла на ту же дату 17,5%. Отдельные субъекты Федерации демонстрируют еще больший разрыв в этом отношении: если в Чеченской Республике доля сельского населения в 2010 г. составляла 63,6%, то в Магаданской обл. она была лишь 4,4%. Более того, согласно данным ФСГС эта картина к 2031 г. претерпит лишь незначительные изменения, и общая численность сельского населения

¹¹ См.: Alkire S., Seth S. Multidimensional Poverty Reduction in India between 1999 and 2006: Where and How? // OPHI Working Paper No. 69, 2013 (March). Oxford Poverty and Human Development Initiative, University of Oxford.

¹² Исследование Demographic and Health Surveys (Обследования демографической ситуации и здоровья). Подробнее см.: <http://www.measuredhs.com/What-We-Do/Survey-Types/DHS.cfm>.

¹³ Исследование World Health Survey (Международное исследование здоровья). Подробнее см.: <http://www.who.int/healthinfo/survey/en/index.html>.

¹⁴ Исследование Pesquisa Demografia e Saúde da Mulher e da Criança (Национальное обследование демографической ситуации и здоровья детей и женщин). Подробнее см.: <http://bvsm.sau.de.gov.br/bvs/pnds/index.php>.

¹⁵ http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140095525812 (Сборник ФСГС «Предположительная численность населения Российской Федерации»). Раздел «Численность населения».

к этому времени составит в России 22,6%¹⁵. При этом, как было показано выше, в числе российских бедных доля сельских жителей велика и имеет тенденцию к увеличению.

Однако, если описанный выше тип преиндустриальной сельской бедности особенно характерен для Северного Кавказа и других регионов страны со значительной долей сельского населения, с высокой рождаемостью и со значительной ролью натурального хозяйства в доходах населения, то вся сельская бедность к этому ее типу не сводится. Характерной особенностью России на фоне других стран БРИК является совсем иной тип массовой сельской бедности – бедность умирающих сельских поселений, уже не кормящихся «с земли». Такова в значительной степени сельская бедность Нечерноземья или Северо-Западных районов страны. Впрочем, при всех буквально «бьющих в глаза» различиях их ситуации с описанной выше формой преиндустриальной сельской бедности и эта ее форма связана, в конечном счете, с технологической отсталостью сельского хозяйства соответствующих регионов, с одной стороны, и отсутствием достаточного спроса на местную рабочую силу на локальных рынках труда – с другой.

В этом смысле *сельская бедность в России, по сути своей, однотипна с сельской бедностью любой страны с незавершенными процессами урбанизации, наличием в селах избыточного населения трудоспособного возраста с низким качеством человеческого капитала и, соответственно, высокой долей незанятого или частично (сезонно, временно и т.д.) занятого населения. Однако она имеет и свою качественную специфику по отношению, например, к сельской бедности в других странах БРИК, где натуральное хозяйство все еще играет в жизни сельских жителей гораздо большую роль, чем в России, а доля сельских жителей (и сельской бедности) намного выше.*

2) Преиндустриальная бедность люмпенизированных городских низов. В классическом ее варианте, известном еще из истории развитых европейских стран конца XVIII – середины XIX вв., эта разновидность преиндустриального типа бедности возникает как следствие неконтролируемой и стихийной миграции сельского населения в города из перенаселенной сельской местности, где завершился или завершается первый демографический переход. Особенно тяжелые последствия этот процесс имеет в случае, если в обществе отсутствуют институты (например, институт прописки), которые регламентировали бы приток в города переселенцев из сельской местности. Экономическая основа бедности «новых горожан» заключается в недостатке соответствующих их уровню квалификации структурных позиций

на городских рынках труда или крайне низкой зарплате на них из-за несоответствия уровней спроса и предложения в данном сегменте рынка труда.

Этот тип бедности наиболее ярко проглядывается сегодня из рассматриваемых стран БРИК на примере Бразилии, где массовый отток населения из деревень в города за последние 20 лет произошел не по причине роста индустриального сектора в городах, как это в большей или меньшей степени происходило в Европе и СССР, а из-за активной технологической и институциональной¹⁶ модернизации первичного сектора экономики, который пришелся в ней на вторую половину XX в. В настоящее время аграрный сектор Бразилии, представленный крупным агробизнесом, является высокотехнологичным производством, для обслуживания которого требуется лишь немногочисленная, но квалифицированная рабочая сила.

Отсутствие работы на селе для многих в Бразилии стало причиной смены места жительства. Это привело к образованию особого типа городских агломераций, связанных с хаотичным и стихийным заселением пригородов крупных мегаполисов в местах, непригодных и даже запрещенных для проживания, — так называемых *favelas*. Несмотря на то что такой тип жилья впервые возник в Бразилии еще в 1890-х гг., массовое распространение его стало нормой лишь во второй половине XX в. Это явилось своеобразным ответом неформальных институтов бразильского общества на процесс интенсивной модернизации сельского хозяйства в условиях отсутствия резкого роста спроса на рабочую силу в городах.

Основная причина воспроизводства этой формы предындустиальной бедности кроется в существовании условий, при которых не может быть устранена главная ее причина — дефицит рабочих мест для низкоквалифицированной рабочей силы, что, с одной стороны, приводит к очень низким заработным платам, а с другой — к росту нестандартной, неформальной и эпизодической занятости, а главное, к очень высоким показателям безработицы городских «низов».

Для России этот тип бедности пока нехарактерен. Тем не менее, быстрый рост в российских городах числа неквалифицированных или низкоквалифицированных мигрантов из-за рубежа, в основном нелегальных, заставляет говорить о возможности актуализации в рос-

¹⁶ Имеется в виду инициированная в 1960-х гг. в Бразилии всесторонняя государственная поддержка сельского хозяйства — субсидирование кредитов, минимальные цены, покупка и регулирование излишка сельхозпродукции.

сийском обществе проблемы бедности городских «низов» предындустиального типа. Это тем более опасно, что в странах с таким типом бедности относительно быстрее растут преступность и прочие формы социальной девиации (наркомания, алкоголизм и т.п.).

В целом можно отметить, что корни обеих разновидностей предындустиальной бедности — вне рынка труда, это бедность «лишних людей», оказавшихся ненужными даже как объект эксплуатации независимо от того, в селах или городах они проживают. При этом в силу их плохой социализации в современной культуре и низкой квалификации их очень сложно включить в рынок труда, по крайней мере так, чтобы вопрос их бедности был тем самым снят. Им можно только оказывать гуманитарную помощь и пытаться социализировать и обучать детей и молодежь из этих семей, чтобы они могли со временем занять более благоприятные структурные позиции. Размер помощи бедным этого типа зависит, прежде всего, от возможностей общества, уровня его социально-экономического развития, особенностей национальной культуры, в частности распространенности в них ценностей солидарности.

Именно от этого обычно и отталкиваются в странах с доминированием такого типа бедности при установлении прожиточного минимума. И именно поэтому, а не только из-за разных климатических, культурных и прочих условий прожиточный минимум в них всегда очень различается по размеру. При этом в подавляющем большинстве случаев в странах с доминированием предындустиальной бедности для выделения бедных используется абсолютный подход к бедности, т.е. «черта бедности» задается на основе расчетов экспертов, формирующих некий набор благ, обеспечивающих, как правило, возможность простого физиологического выживания.

Индустриальная бедность

Этот тип бедности характерен для всех стран, находящихся на этапе индустриального развития. Бедность этого типа обусловлена определенным состоянием рынка труда, при котором предложение низко- и среднеквалифицированного труда превышает спрос на него. Отсюда вытекают и низкие зарплаты таких работников независимо от того, относятся ли они к представителям физического (рабочие) или нефизического (работники торговли и т.п.) труда. При этом часть соответствующего типа работников в зависимости от особенностей структуры экономики в конкретной стране заранее

обречена на бедность, а другие оказываются в бедности при малейшем ухудшении их семейной ситуации (рождение ребенка, особенно второго, потеря работы супругом или развод, болезнь кого-то из членов семьи и т.д.).

Индустриальная бедность была хорошо описана еще в романах французских и английских писателей второй половины XIX — начала XX в. Это бедность «эксплуатируемого труда». Поскольку экономической причиной этого типа бедности является специфика состояния рынка труда в каждый конкретный исторический момент и в конкретной точке пространства, она затрагивает только занятую часть населения, в том числе и имеющих полную формальную занятость. Индустриальная бедность тем шире, чем сильнее позиции работодателей на рынке труда. При этом с точки зрения собственно бедности не так важно, кто именно «недоплачивает» работнику — отдельный капиталист или государство.

Этот тип бедности также обычно измеряется и анализируется с точки зрения абсолютного подхода к ней, только прожиточный минимум в странах с доминированием этого типа структурной бедности задается уже не исходя из задачи обеспечения элементарного физического выживания человека, а с учетом необходимости сохранения его как работника и обеспечения межпоколенческого воспроизводства рабочей силы. Именно поэтому в так называемых «развитых странах» минимальная заработная плата давно уже соответствует не менее чем 1,5 прожиточным минимумам, как это и рекомендовано МОТ. Впрочем, для них период безусловного доминирования этого типа бедности — уже прошедший этап.

Все страны БРИК, хотя и в разной степени, являются, как и Россия, примерами распространенности этого типа бедности. Так, например, в Китае бурный рост экономики наблюдается на фоне неуклонного снижения участия нижних децилей населения страны в распределении национального дохода¹⁷. Рост эксплуатации, последовавший за изменениями в структуре собственности китайской промышленности в ходе реформ последних десятилетий, усугубляется в Китае многими явлениями, характерными именно для этой страны: роль членства в государственных профсоюзах, ставящего трудящегося в относительно более благополучное положение, очень жесткая система прописки (*hukou*) и т.д. В итоге риск бедности наиболее велик

¹⁷ См. табл. 12.1, а также: Nee V., Stark D. (Eds.) *Remaking the Economic Institutions of Socialism: China and Eastern Europe*. Stanford, Cal.: Stanford University Press, 1989.

прежде всего для мигрантов¹⁸, приезжающих в города в поисках работы в рамках фабричного производства.

Ограниченный доступ мигрантов к образованию приводит в Китае к снижению их шансов на рынках труда в отношении рабочих мест, обеспечивающих стабильную занятость, перспективу карьерного роста и приемлемую заработную плату¹⁹. Таким образом, в этом отношении ситуация в Китае напоминает ситуацию в России. Однако, в отличие от Китая и других стран БРИК, в России в структуре занятости вообще сокращается доля рабочих и растет доля нефизического труда низкой и средней квалификации, прежде всего занятость на простых позициях в торговле и сфере бытового обслуживания (табл. 12.3), что связано с идущими в ней процессами деиндустриализации.

Если посмотреть на российскую бедность с этой точки зрения, то, как было показано в главе 4 данной книги, «костяк» работающих бедных действительно составляют сегодня в России те, кто традиционно относится к бедным на индустриальном этапе развития. На складывающуюся в этой области ситуацию влияет и тот факт, что в России до сих пор минимальная заработная плата по стране в целом ниже, чем прожиточный минимум²⁰.

С бедностью индустриального типа стратегически принято бороться за счет стимулирования создания высокоэффективных рабочих мест методами инвестиционной и налоговой политики, развития общедоступных систем образования и получения квалификации. Тактически же хорошо зарекомендовали себя очень жесткий контроль миграции извне, особенно миграции неквалифицированной и низкоквалифицированной рабочей силы, детальная проработка трудового законодательства и усиление контроля за его соблюдением, а также установление обеспечивающей социально приемлемый образ жизни

¹⁸ О роли изменений в структуре собственности и структуре промышленности в трансформации классовой структуры Китая см.: Россия и Китай: изменения в социальной структуре общества / Отв. редакторы М.К. Горшков, Ли Пэйлинь, З.Т. Голенкова. М.: Новый хронограф, 2012.

¹⁹ Wan G. Accounting for income inequality in rural China a regression-based approach // *Journal of Comparative Economics*. 2004. Vol. 32. No. 2.

²⁰ В то же время в отдельных регионах ситуация может складываться иначе в зависимости от переговорной силы и организованности работников, а также позиции местных властей. Так, например, в Москве относительно низкая доля бедных обеспечивается не только гораздо лучше организованной и финансируемой системой социальной защиты, чем в большинстве других регионов РФ, но и тем, что минимальная заработная плата работника в соответствии с тройственными соглашениями выше регионального прожиточного минимума.

Таблица 12.3

Динамика численности укрупненных профессиональных групп по населению России в целом в 1994–2011 гг., РМЭЗ²¹, % от работающих²²

Укрупненные профессиональные группы по ISCO-88	1994	2005	2011
Высококвалифицированные «белые воротнички» (0, 1, 2, 6 классы)	19,4	17,7	18,3
«Белые воротнички» средней и низкой квалификации (3, 4 классы)	20,3	23,9	27,4
Занятые на простых позициях в торговле и бытовом обслуживании (5 класс)	8,2	10,7	11,7
Квалифицированные рабочие (7, 8 класс)	37,6	33,1	28,6
Неквалифицированные рабочие (9 класс) ²³	14,5	14,6	14,0

Примечание. Светло-серый фон в таблице использован для показателей по группам с тенденцией устойчивого и значительного роста их численности, темно-серый – с тенденцией сокращения.

минимальной почасовой оплаты труда²⁴. К слову сказать, подобный набор мер, успешно реализовывавшихся в так называемых «развитых странах» на соответствующем этапе их развития, преследовал, независимо от сопутствовавшей им политической риторики, отнюдь не гуманитарные цели, ассоциирующиеся с понятием «государства всеобщего благосостояния». Он формировал для экономики этих государств работников с хорошим качеством человеческого капитала, а также способствовал росту социального капитала общества, обеспечивающего дополнительные возможности управленческого манев-

²¹ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения страны (РМЭЗ) – панельное исследование, проводимое с 1992 г. Его базы представлены как в репрезентирующей население страны за каждый год версии, так и в более полной версии панели респондентов за весь период наблюдений. В таблице данные приведены по репрезентативным базам РМЭЗ.

²² Расчеты численности групп проводились в соответствии с учитывающей особенности российских условий методикой кодировки профессиональных статусов по ISCO-88, разработанной В.А. Аникиным (Аникин В.А. Социально-профессиональная структура России: методология и тенденции // Профессиональные группы: динамика и трансформация / Под ред. В.А. Мансурова. М.: Институт социологии РАН, 2009).

²³ Примерно половину этой группы в России составляют представители элементарных форм занятости неиндустриального и несельскохозяйственного труда – уборщицы, гардеробщицы, дворники и т.п.

²⁴ Распространенность среди бедных разного рода нестандартных форм занятости требует регулирования именно почасовой, а не месячной оплаты труда.

ра. Все это давало дополнительные и очень серьезные конкурентные преимущества на мировой арене и возможности иметь более высокие темпы экономического роста. Социальная помощь, на которую мог рассчитывать при этом оказавшийся в сложной ситуации человек, зависела от его классовой позиции и была сильно дифференцирована, но в целом достигала гораздо больших размеров, чем в случае с бедностью прединдустриального типа.

Постиндустриальная бедность

О бедные», активно заговорили на Западе с 70-х годов прошлого века. Возникновение ее было вызвано в развитых странах деиндустриализацией их экономик (точнее, сокращением индустриального сектора в развитых странах, прежде всего США, с одновременным выносом индустриальных производств из них в развивающиеся страны). В ходе этих процессов произошло сокращение числа рабочих мест, традиционно относившихся к среднему и рабочему классам с одновременным ростом структурных позиций верхнего среднего и низшего классов, т.е. произошла поляризация классовой структуры. Одновременно резко обострилась конкуренция за эффективные рабочие места представителей квалифицированного труда. Это, в свою очередь, привело, с одной стороны, к демпингу стоимости легко взаимозаменяемой («родовой»²⁵) рабочей силы даже на рабочих местах профессионалов и углублению дифференциации внутри ранее куда более гомогенных профессиональных групп, а с другой – к «выталкиванию» наименее конкурентоспособной в силу разных причин части квалифицированных работников за пределы не только их старых профессиональных статусов, но подчас даже классов. В итоге многие ранее вполне благополучные представители среднего класса и особенно их дети, которым после получения ими образования не находилось работы²⁶, оказались в числе бедных. *Экономическая основа этой бедности – структурные изменения в экономике и рост глобальной конкуренции за рабочие места, т.е. конкуренции в рамках международного рынка труда.*

Таким образом, принципиальное отличие постиндустриального типа бедности от индустриальной бедности заключается в том, что хотя

²⁵ Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество, культура. М.: ГУ-ВШЭ, 2000.

²⁶ Именно молодежная бедность, обусловленная высоким уровнем безработицы среди молодежи, является одной из характерных особенностей бедности в развитых странах.

эта бедность также формируется с участием рынка труда, но это уже не столько локальный, сколько глобальный рынок труда. Кроме того, путь к бедности в обществах, находящихся на этапе перехода от позднеиндустриального к постиндустриальному этапу развития, очень индивидуален, вероятностен, и ее наступление в каждом отдельном случае кажется во многом случайным. Причем место жительства и характер занятости не определяют достаточно жестко попадания конкретного человека в бедность, как это происходит в обычной живущей натуральным хозяйством крестьянской семье при прединдустриальной бедности, и даже не делают для него жизнь в бедности наиболее вероятной судьбой, как для разнорабочего при доминировании индустриального типа бедности. Однако они повышают риски бедности и при сочетании с другими неблагоприятными факторами ведут человека к бедности столь же неумолимо.

При этом общества на соответствующем этапе развития обычно уже достаточно богаты для того, чтобы обеспечить своих бедных не только средствами для элементарного физического выживания, но и вполне сносным прожиточным минимумом, и на первый план в интерпретации проблемы бедности выходит не столько нехватка денежных средств, сколько сопутствующая бедности эксклюзия, т.е. выпадение из «мейнстрима», невозможность поддерживать стандарты жизни, принятые большинством, что постепенно ведет к дискриминации (как было показано в данной книге, эти процессы начинают разворачиваться и в России, хотя еще 20 лет назад ни о какой дискриминации бедных говорить не приходилось). Соответственно, на смену логике анализа бедности через призму абсолютного подхода приходит депривационный подход к бедности, причем в признаках депривации все большую роль постепенно начинают играть нематериальные виды лишений, связанные, скорее, с доступом к ресурсам (вспомним в этой связи концепции А. Сена и П. Таунсенда, Оксфордский индекс бедности и т.д.). Таким образом, бедность перестает рассматриваться как абсолютная бедность, и на смену ей как предмету анализа и объекту воздействия в рамках государственной политики приходят сначала относительная бедность, а потом и социальная эксклюзия.

В этом русле сосредотачивается и обеспокоенность общественности соответствующей проблематикой. Так, в современной Великобритании бедность, понимаемая в терминах социальной эксклюзии, связывается прежде всего с ограниченностью шансов на рынке тру-

²⁷ Pierson J. Tackling social exclusion. London: Routledge, 2002.

да, с одной стороны, и доступом к социальным услугам — с другой²⁷. Согласно официальной статистике в 2011 г. в Великобритании в зоне риска социальной эксклюзии находились 22,7% населения (около 14 млн человек). Доля людей, не способных справиться с неожиданными финансовыми тратами, вследствие кризиса 2008–2012 гг. значительно выросла (с 26,6% в 2007 г. до 36,6% в 2011 г.). Пропорция граждан, не способных позволить себе ежегодный отпуск, что рассматривается в Великобритании как важный признак депривированности, тоже возросла — с 21,4 до 29,7% за тот же период²⁸. В итоге сегодня в Великобритании происходит самое резкое с середины 1970-х гг. обеднение населения²⁹, и уровень бедности работающих граждан (*in-work poverty*) составляет в ней почти 9%.

Эта ситуация похожа на ситуацию и в других европейских странах, где также остро стоит проблема бедности работающих. Фактически это панъевропейский феномен, затронувший примерно в том же масштабе Германию, Францию и другие страны Западной, а тем более Южной Европы, в которых уровень бедности работающего населения превосходит 15%³⁰. При этом бедность постиндустриального типа затрагивает все профессиональные группы. В орбиту этой бедности попадают офисные работники, занятые на простых позициях в сфере торговли и услуг, помощники профессионалов и даже сами профессионалы. Это отражается в росте эксплуатации работников нефизического труда капиталом и, как следствие, дальнейшей «пролетаризации профессионалов» и других профессиональных групп³¹.

Таким образом, у постиндустриальной бедности существуют три основные причины: 1) структурная перестройка экономики и деиндустриализация в развитых странах с одновременным выносом производств из них в страны «третьего мира»; 2) рост в этих условиях кон-

²⁸ A National Statistics Publication. Poverty and Social Exclusion in the UK and EU, 2005–2011. Доступно: http://www.ons.gov.uk/ons/dcp171776_295020.pdf.

²⁹ Joyce R., Phillips D., Sibieta L. Poverty and inequality in the UK: 2011. London: The Institute for Fiscal Studies, 2011.

³⁰ См.: The iron triangle, women's poverty, children's poverty and in-work poverty. ESAD: TUC, June 2008 (Доступно: <http://www.tuc.org.uk/extras/irontriangle.pdf>). В ряде стран меры по борьбе с бедностью, связанной с работой, идут в связке с фискальными механизмами по поддержке детей (Corak M., Lietz C., Sutherland H. The impact of tax and transfer systems on children in the European Union // IZA Discussion Paper, 2005, No. 1589).

³¹ Murphy R. Proletarianization or bureaucratization: the fall of the professional? / Torstendahl R., Burrage M. (Eds) The formation of professions. Knowledge, state and strategy (Advanced studies in the social sciences). London: SAGE Publications, 1990; Standing G. The precariat: The new dangerous class. London: Bloomsbury, 2011.

курении за привлекательные профессиональные позиции при общем сокращении их числа, ведущий, с одной стороны, к относительному снижению заработных плат, а с другой — к снижению занятости молодежи и других менее неконкурентоспособных и социально слабых групп; 3) массовый уход с рынка труда в хроническую безработицу многих квалифицированных работников из-за неготовности части их не только сменить свой профессиональный статус на более низкий, но даже поменять при этом классовую принадлежность (например, при возможности перехода с работы инженера-конструктора на позиции продавца мобильных телефонов или водителя).

Сократить постиндустриальную бедность посредством развития системы массового образования и подобных традиционных «лифтов» социальной мобильности практически невозможно. Основой государственной политики борьбы с бедностью в этих условиях стратегически выступает не столько материальная помощь неимущим, сколько меры, связанные с регулированием рынка труда и определенной инвестиционной и налоговой политикой. Тактически же для развитых стран, где процессы деиндустриализации исторически сопровождались активным ростом четвертичного сектора экономики, наиболее эффективным способом борьбы с бедностью такого типа были масштабные программы переквалификации рабочей силы с выплатой достаточно высоких пособий по безработице для предотвращения потери групповой идентичности в период поиска нового рабочего места. Одновременно сохранялась политика умеренных адресных пособий по нуждаемости для сохранения интегрированности бедных в общество, при этом адресность должна была предотвратить развитие иждивенческих настроений. Наконец, с годами все жестче становилась относительно мягкая в 1950–1960-х гг. миграционная политика.

Бедности постиндустриального типа в странах БРИК практически нет (за исключением России), поскольку процессов деиндустриализации в них не наблюдается. В России же ситуация особая: процессы деиндустриализации в ней идут, но, в отличие от развитых стран, они не сопровождаются развитием четвертичного сектора. Поскольку они выступают следствием реформ 1990-х гг. и перехода к рыночной экономике, то деиндустриализация сопровождается в ней ростом не четвертичного, а третичного сектора, и прежде всего торговли. Однако именно в торговле велика доля низкооплачиваемых рабочих мест. В отличие от Великобритании и Германии в России, как было показано в данной книге, велика доля не только относительной, но и абсолютной бедности.

Индивидуальная бедность, вызванная семейной или личной ситуацией человека

В этом типе бедности в современном обществе можно выделить две ее основные формы, вызванные растущей индивидуализацией жизненных траекторий и судеб, ослаблением механизмов социального контроля и усложнением жизни общества при переходе к поздней и постиндустриальным этапам развития.

1) Бедность из-за неблагоприятных семейных обстоятельств (смерть кормильца, тяжелая болезнь кого-то из членов семьи, развод в семье с несколькими несовершеннолетними детьми и т.п.). Ситуация с ней достаточно очевидна и не требует подробных комментариев. Стоит упомянуть лишь, что эта форма бедности в современных обществах, в том числе и в России, носит вероятностный характер. При борьбе с бедностью этого типа в развитых странах учитывается, что некоторые события в жизни домохозяйств предполагают для предотвращения сползания таких семей в хроническую бедность активную помощь им со стороны государства и местных сообществ (и такого рода помощь, в том числе и через стимулирование развития соответствующих страховых программ, активно реализуется во всех развитых странах уже более полувека). Обычно для предотвращения расползания этого типа бедности в развитых странах используются детские и семейные пособия, а также различные семейные налоговые льготы.

Однако в России, хотя этот тип бедности представлен в ней достаточно широко, такого рода политика практически отсутствует. В итоге, как было показано в главе 5 данной книги, на распространенности этой формы бедности сказывается прежде всего то, что при в среднем низких зарплатах и слабой семейной политике под угрозой бедности многие семьи оказываются уже в силу простого наличия в них несовершеннолетних детей, а тем более при каких-то семейных несчастьях.

2) Бедность люмпенизированной части населения. Учитывая рост в условиях усложнения общественной жизни числа социально дезадаптированных людей, этот тип бедности особенно сложен для борьбы с ним. Наиболее активно для помощи представителям этого типа бедности используются различные программы социальной интеграции (для мигрантов) и реинтеграции для всех остальных. Другие индивидуальные причины бедности (алкоголизм, наркомания и т.п.) по-разному воспринимаются в развитых странах в зависимости от особенностей их предшествующего исторического развития и нацио-

нальной культуры, что прямо влияет и на признание в них права поддержки со стороны общества для такого рода бедных.

В России эта форма бедности также распространена достаточно широко. Так, каждый двадцатый бедный, по данным исследования Института социологии РАН 2013 г., сам признает, что оказался в бедности из-за алкоголизма или наркомании — собственной или кого-то из членов своей семьи. Если же говорить о том, как оценивают роль этого фактора россияне в целом, то среди имевших, по их оценкам, бедных в своем ближайшем окружении треть назвали причиной бедности хорошо им знакомых людей алкоголизм или наркоманию и каждый пятый — лень и неадаптивность к жизни.

Подведем итоги.

Гетерогенность бедности в России отражает особенности переживаемого российским обществом этапа социально-экономического развития и обуславливается сохраняющейся до сих пор многоукладностью российской экономики и колоссальными региональными различиями в уровне социально-экономического развития различных регионов. Именно *эта ярко выраженная гетерогенность, при которой в отдельных регионах и типах поселений разные типы бедности, характерные, казалось бы, для взаимоисключающих эпох, не просто присутствуют, но присутствуют в подчас диаметрально противоположных пропорциях, и составляет основную специфику «бедности по-российски».*

Эта ее специфика сильно затрудняет борьбу с бедностью в России. При такой глубинной, сущностной гетерогенности бедности те меры, которые будут эффективными для борьбы с бедностью, например, в Москве, могут не дать никакого эффекта в Ингушетии и наоборот. При этом передавать борьбу с бедностью полностью на уровень регионов сейчас тоже нецелесообразно: у многих из них нет для этого не только ресурсов, но и четкого понимания того, как должна выглядеть эта борьба в их конкретных условиях. Кроме того, ключевые «рычаги» борьбы с бедностью (инвестиционная политика, политика занятости, миграционная политика, налоговая политика, социальная политика) находятся преимущественно в распоряжении центральных органов власти. А это значит, что именно они и должны в первую очередь принять на себя ответственность в решении этой сложнейшей и болезненной проблемы, чреватой для развития страны в целом серьезными рисками.